

Стелы золотого озера

(к датировке енисейских рунических памятников)

Стелы с древнетюркскими рунами, найденные в междуречье Енисея и Абакана, в межгорных долинах к северу от Джойского хребта и в Койбальской степи, оказались среди первых, что создали великолепную эпиграфическую коллекцию Минусинского музея.

Памятники

Сто лет прошло, как крестьянин дер. Иудино (современное с. Бондарево) Е.Ф. Корчаков нашел две каменные плиты, лежавшие в нескольких сажнях друг от друга, в версте от небольшого озерца Алтын-кёль, и, вскоре после создания музея (1877 г.) его основатель, Н.М. Мартьянов, перевез обе стелы в Минусинск.¹ Наиболее подробное их описание составил в 1906 г. сибирский краевед-археолог А.В. Адрианов.² Первый памятник Алтын-кёля (АК-I) "имеет расширенный и округленный по узким граням верхний конец и узкий треугольный - нижний. Длина плиты 183.5 см, ширина вверху 43.5 см, внизу - 25 см, толщина 20.5 см. Три грани этой плиты покрыты руноподобной надписью, состоящей из 344 букв. Одна из широких сторон плиты представляет гладкую, хорошо сохранившуюся поверхность. На этой стороне вдоль краев идут две строки надписи, разделенные бороздой, причем внутренняя строка в нижней части плиты заворачивается поперек ее, в верхней части обе строки идут вдоль края по закруглению поперек плиты. Внутреннее пространство между строками ничем на плите не заполнено. Надпись по длине плиты тянется 137 см от верхнего ее конца, так что нижний конец плиты, предназначенный для вкапывания (около 56 см), был свободен от надписи. На этой стороне находится 149 букв. Они врезаны довольно глубоко и хорошо сохранились; высота букв 5 см, толщина штриха 3 мм. По узким граням плиты надпись идет в три строки, разделенных двумя бороздами. Она проходит, не прерываясь, и через закругленную верхнюю часть плиты и по длине занимает [259] такое же место, как и на широкой грани. Надпись на правом боку плиты сохранилась хуже, она стерлась, а на закругленном верху буквы едва видны и лишь кое-где; ... здесь всего сто букв. Зато надпись левого бока сохранилась чрезвычайно отчетливо; буквы в 5-6 см высотой врезаны глубоко, при ширине штрихов в 5-6 мм, только нижняя треть строка, для которой на сколоте боку не нашлось места, имеет буквы ниже и частью переходит на заднюю грань. Надпись этой стороны состоит из 95 букв".³

Второй памятник Алтын-кёля (АК-II), случайно расколотый при ремонте музея на две части, "представляет плиту из плотного красновато-темносерого песчаника, таким же способом, как и предыдущая, отделанную, т. е. с закругленным верхним концом; только у этой плиты нижняя часть более широкая, чем верхняя. Длина плиты 105 см, ширина вверху 45 см, внизу 62 см, толщина 20 см. На широкой грани этой плиты, вдоль обоих краев и по закруглению вверху расположена надпись на 147 см в длину, в одну строку плохо сохранившихся букв, а под бороздой идет вторая строка едва заметных букв и только с левой стороны... По обоим узким ребрам плиты и по закругленному верху идут две строки букв, разделенных средней бороздой; здесь надписи глубже врезаны и лучше сохранились, особенно на левом боку".⁴

Как видно из описания, обе стелы типологически предельно близки друг другу, что подтверждается и палеографическим анализом памятников. В то же время они весьма отличаются от других стел с руническими надписями, обнаруженными в долине Енисея. Именно формальные признаки заставляют полагать, что стелы Алтын-кёля, установленные рядом, были изготовлены в одно время, по единому "шаблону", мастером (или мастерами) такой "каменписной" школы, которая просуществовала очень недолго и не получила распространения на Енисее.⁵

Основные стилистические приемы этой школы: 1) закругление верха плиты и расположение надписи а) на широкой грани - в виде прямоугольника с закругленными углами, из одной или двух строк, обрамляющих незаполненную внутреннюю поверхность плиты; внутренняя поверхность дополнительно обрамлена строчной направляющей бороздой, служащей верхним или нижним основанием знаков; б) узкие грани разлинованы прямыми строчными

бороздами, задающими высоту знаков. 2) Надпись располагается на трех гранях, оставляя незаполненной тыльную сторону, на которую лишь иногда переходит не вместившаяся на боковой стороне часть знаков. 3) Некоторая часть знаков лицевой стороны АК-I расположена бустрофедоном. 4) Оба памятника не несут на себе тамговых знаков, обычных для преобладающего большинства енисейских памятников.

Генетические корни некоторых приемов очевидны - строчные борозды или их наметки характерны для больших памятников Орхона, датируемых третьим-шестым десятилетиями VIII в. [260]

Уже в руническом тексте Карабалгасунского памятника (третье десятилетие IX в.) строчные борозды отсутствуют. Расположение строк бустрофедоном также восходит к ранним памятникам Монголии - Чойрэнскому (начало девяностых годов VII в.)⁶ и Ихэ Асхетскому (начало VIII в.).⁷ Окаймляющее расположение надписи характерно для Ихэ Ханын-норской плиты (Центральная Монголия, первая половина VIII в.).⁸ Все эти приемы, взятые в целом, не выводят нас за пределы первой половины VIII в. и указывают на прямую связь с "кампнеписной" школой второго Тюркского каганата.

Лишь некоторые памятники Минусинской котловины (но не Тувы) имеют определенные типологические сходства с памятниками Алтын-кёля. Такова надпись Минусинского музея (Е-42), где на каждой из четырех граней памятника имеется одна строчная борозда. Происхождение этого памятника неизвестно. Таков третий памятник с Уйбата (Е-32), один из наиболее величественных памятников Енисея. На его двух широких гранях видны следы окаймляющей плиту по краю строчной борозды; однако, в отличие от памятников Алтын-кёля, внутренняя поверхность плоскости также заполнена надписью, строки которой не ограничены бороздами. Существующие чтения надписи нуждаются в серьезных корректурах, но, как теперь очевидно, надпись датируется первой половиной VIII в. И, наконец, таков памятник дер. Очура (~Ачура), открытый в 1857 г. в Койбальской степи, примерно в 70-80 км к северо-востоку от Алтын-кёля. Эта стела разлинована по трем граням строчными бороздами; на каждой из трех граней по четыре строки, расположенные бустрофедоном. На тыльной стороне имеется приписка из 11 знаков. Дукт надписи совершенно сходен с дуктом надписей Алтын-кёля. К сожалению, надпись повреждена и сохранилась лишь фрагментарно.

Порядок чтения памятников Алтын-кёля не был предметом обсуждения. При первой публикации В.В. Радлов выделил как начальный наиболее длинный текст лицевой стороны. Х. Оркун и С.Е. Малов эту последовательность чтения повторили. Между тем, формальные признаки позволяют считать, что начальным в обеих надписях был текст левой стороны; знаки двух инициальных строк здесь примерно на 0.5-1 см выше, штрих значительно шире и врезан глубже.⁹ Обе надписи открываются одной и той же инициальной фразой, специфичной только для этих двух памятников и укрепляющей предположение об одном авторе обоих текстов.

Текст

Отмеченная В.В. Радловым плохая сохранность части текстов (особенно АК-II) и ошибки, допущенные при ретушировании эстампажей, выполненном Н.П. Евстифеевым (Минусинск, 1893 г.), предопределили многочисленные неясности и неточности чтения [261] надписей. [Подлинники эстампажей хранятся в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР и использованы при подготовке статьи] При обследовании памятников автором в 1972 г. некоторые из ошибок воспроизведения удалось исправить, что позволяет предложить новое чтение и перевод надписей.¹⁰

Алтын-кёль I

Перевод:

(1) Десять лун она носила (меня), моя мать! Она принесла (меня) моему элю. Я утвердился на земле благодаря моей доблести. (2) Я храбро сражался с многочисленным врагом и покинул мой эль, (оставив) его в раскаянии. Увы! (3) Своим младшим и старшим братьям Вы снимали-сгружали верблюжьи вьюки (с дарами). (4) Тем, что было на земле - моими деяниями и моей доблестью - я, Барс, не пресытился! (5) Без отца Вы героем были! Когда псы преследовали (дичь), Вы проносились мимо кочевий! Сгинь, [дух] смерти со своей младшей братией! О, Барс, не покидай (нас)! Увы! (6) Наше звание..., наш бег - Умай (вар.: наше звание таково - мы умай-беги), мы храбрые воины (нашего) рода-племени (вар.: мы родичи, храбрые воины)! Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Скакуна с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, моя драгоценность! О, мое сокровище! Не покидай (нас)!.....мы (прежде) радовались. (7) О, дичь золотой черни Сунга, множься! Рождай (свое потомство)! Мой Барс покинул коней и быков, (весь этот) мир, он ушел! Увы! (8) Нас было четверо высокородных. Эрклиг разлучил нас. Увы! (9) Ради моей воинской доблести, ради могущества моих старших братьев и моих младших братьев мне воздвигли (этот) вечный памятник. **[262]**

Алтын-кель II

Перевод:

(1) Десять лун она носила (меня), моя мать! Я родился мальчиком, я вырос воином. (2) Четырежды я уходил из своего эля и (четырежды) возвращался. За мою доблесть Ынанчу Алп вознаградил (меня). (3) Я (покинул?) доблестный народ булсаров, могучий народ. О, Эрен Улуг! Он погубил (свою) доблесть. (4) Мой доблестный эль, народ булсаров, не ходил растерянным (из-за своих несчастий). Мое горе - своих близнецов, (5) своих подруг-княжен в теремах я покинул! На моих сыновей..., на мой народ я не нагляделся! (6) В свои тридцать восемь лет... (7) Ради (своей) воинской доблести я ходил послом к тибетскому кагану. Я не вернулся. (8) Доблестные булсары такими вот (героями) были. О, горе! Я ушел в Золотую степь.

Примечания

АК-1, стк. 1: а) О выражении "десять (лунных) месяцев она носила (меня)" см. МЕПТ, 55: Bazin L. Les calendriers turcs anciens et medievales. Lille, 1974, p. 134; (далее: Bazin, Galendriers);

б) Глагол jerle- "обживать, осваивать какое-либо место", ср. ДТС. 258: "я освоил (это место) благодаря моей доблести".

Стк. 2: а) qyjmatyn, вслед за С.Е. Маловым, я перевожу "храбро", ср. ДТС 442: "я умер, храбро сражаясь с многочисленным врагом".

б) okupc "раскаяние, сожаление", ДТС, 383; Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 524 (далее: ЭС).

Стк. 3: а) в тексте не ingez (МЕПТ, 55), а ild "спускать, снимать", синонимично tusurt-; здесь парное выражение.

Стк. 4: а) Чтение bars отчетливо на всех эстампажах, что отмечает также Д.М. Насилов.¹¹ Ср., однако, МЕПТ 53.

б) etig "дело, деяние" ДТС 187.

Стк. 5: а) В тексте не *** astar (МЕПТ 53), а *** atasyz. **[263]**

б) Слово it "пёс" в руническом наборе С.Е. Маловым обозначено и скобках, в транскрипции и переводе опущено (МЕПТ 53). На эстампажах оно отчетливо,

в) Замена очевидного на эстампажах *** burt на *** bori (МЕПТ 53) "волк" совершенно неоправдана. Слово burt в других рунических памятниках не отмечалось. В памятниках XI в. оно выступает как архаичное. Согласно Махмуду Кашгарскому, btirt "ночной кошмар", bas burt tut - "внезапно схватить кого-либо". Ср. Clauson, p. 358 (<bur- "обманом скручивать жертву").¹² К.К. Юдахин регистрирует в киргизском языке мурт "внезапная смерть", бурт кет- или бурт ол- "скоропостижно умереть".¹³ Ср. также РО IV, 1400: телеутское пурту- "истреблять". Контекст надписи позволяет видеть здесь обозначение духа внезапной (?) смерти; указание на братьев и других "родственников" божества (духа) обычно для пантеона тюркских народов.¹⁴

Стк. 6: а) Культ Умай, женского божества плодородия, в древнетюркских государствах модифицировался также в культ покровительницы высших аристократических кругов кочевой знати.¹⁵

б) В тексте не alt²y qyl-, а alt²y er al-.

в) ozluk at "скакун", ДТС 395.

г) В тексте не *** erig (МЕПТ 53), а *** qag, то есть вин. пад. от qa "сосуд", ДТС 399.

д) Вместо чтения imaј beg biz на неретушированном эстампаже (РА) очевидно чтение imaј begimiz, которое правильно предположил Д.М. Насилов.¹⁶

е) Семантика парного сочетания ezunc (?) - kozunc определена по значению второго составляющего - "сокровище", ДТС 321;

ж) Предположительное чтение secilenmi (?) мне расшифровать не удалось; ogurdim [iz] читается по тексту и неретушированному эстампажу.

Стк. 7: а) Эта строка, в которой все знаки были верно определены и воспроизведены как на эстампажах, так и в исследованиях, читалась, тем не менее, с отступлением от самых обычных норм, что привело к совершенно неоправданным натяжкам в интерпретации. Между тем, она содержит лишь одно трудно идентифицируемое сочетание знаков: *** которое мы, с некоторой долей сомнения, интерпретировали в переводе; слово asun (из согдийского zwn) "земной мир" необычно для енисейских текстов, однако следует иметь в виду, что в них встречается maг (МЕПТ, индекс) "наставник, учитель", проникшее в древнетюркский, через согдийский, из арамейского;¹⁷

б) Ср. E-48, 4: ic jer elki artzun "пусть множатся косули внутренних земель!" (МЕПТ 94-95).

Стк. 8: а) inel "высокородный, лицо из ханского рода", ДТС 209,

б) erklig, Эрклиг - владыка подземного мира в древнетюркском пантеоне (Эрклиг-хан), заимствовано в монгольский в форме "Эрлик-хаган" (последняя форма воспринята тюркскими языками Сибири), ср. Clauson, p. 224. В этом тексте (АК-I) слово впервые идентифицировано А. фон Габэн.¹⁸

АК-II, стк. 1: а) Возможности чтения знака в словах elt-(ilt-), el (il), esruk (isriik) приводит А. М. Щербак;¹⁹

б) Ср. в [264] надписи д. Очура (E-26); Oflan toydy "родился мальчиком".

Стк. 2: а) Ср. ДТС 549; "Из своей страны я уходил и возвращался четырежды";

б) *** С.Е. Малов читает (i) cinta "среди" (МЕПТ 57), предполагая далее лауну. Однако лауны здесь нет, и потому очевидно чтение финитной формы глагола (а) cuntu "он вознаградил, оказал милость". Тем самым определяется и имя государя - Ынанчу Алп; ср. надпись д. Очура, стк. 1: "Правитель государства Ынанчу Бильге".

Стк. 3: а) Дискуссию о народе булсар/болсар ("большар") см. у С.Е. Малова, который, однако, сделал попытку интерпретировать это слово иначе, чем этноним. Нам представляется несомненно правильным чтение слова как этнонима, предложенное В.В. Радловым.

б) По В.В. Радлову и С.Е. Малову, *er atum eren uluy* "мое геройское имя Эрен Улуг". При этом чтении странно выглядит винительный падеж дважды повторенного в начале строки *bodunug*. Между тем, читаемое В.В. Радловым (е)г на неретушированном эстампаже, как и в оригинале, неразлично, что заставляет предположить в *-tum* финитную форму глагола (прош. вр., 1 л.), скорее всего со значением "покинул",

в) Конец строки С.Е. Малов читает *batur man* "я герой"; такому чтению, однако, препятствует винительный падеж предшествующего слова, как впрочем и не характерная для рунических памятников форма *batur*. На неретушированном эстампаже конечное *-ng*, однако, не читается, заметна лишь часть осевой черты: ****-mys*. Поэтому, предпочтительно чтение *baturmys* < *batur-* "утопить, погубить, скрыть". Ср. Е-26, 5: *erdem olti* "его доблесть умерла" (МЭПТ 49, надпись д. Очура).

Стк. 4: а) *esruk* "пьяный, буйный", ср. ДТС 184, восходит к глаголу *isir/esir* - "терять ясность сознания", "терять память" "растеряться", ср. РО, I, 1527; ЭС 309-310.

б) *erinc* "горе, несчастье" (ДТС 178); менее вероятно *erincu* "грех, проступок" (там же); *ekiz/ikiz* "близнецы" (ДТС 168); ЭС, с. 252-254.

Стк. 6: Л. Базен полагает, что лакуна в конце строки испортила слово со значением "умер, погиб" - *Bazin, Calendriers*, p. 123.

Стк. 7: а) *jalabas /jalavas* "посол"; этот же термин в сходном контексте в надписи Уйбат-I (Е-30). Можно отметить, таким образом, что везде, где в енисейских надписях речь определенно идет о посольстве, употреблен термин *jalabas*, а не *elci*. Значение "посол" для последнего термина в енисейских рунических текстах сомнительно,

б) Последнее слово С.Е. Малов читает *kelurtum* "я принес, доставил". Предпочтительнее, однако, хорошо обоснованное чтение Л. Базена *kelmedim* "я не вернулся" (*Bazin, Calendriers*, p. 112).

Стк. 8: а) С.Е. Малов читает в тексте *esin* Эсин, еще одно собственное имя героя надписи. Предпочтительнее чтение *esiz* "о, горе!", "какая жалость!",

б) Чтение В.В. Радлова, повторенное С.Е. Маловым, *qaraqqa* (?) исправлено Х.Н. Оркуном на *qurqa* "в степь" (*Orkun III*, 105, 107). Выражение "ушел в Золотую степь" в контексте надписи синонимично выражению "ушел в загробный мир". [265]

Гибель Барс-бега

Повествование в АК-II ведется от имени героя эпитафии, в первом лице, и лишь в стк. 3 содержится "авторская ремарка", называющая имя героя и "подтверждающая" факт его гибели. Значительно сложнее построение АК-I. Изложение от имени героя эпитафии (в первом лице) ведется в стк. 1, 2, 4, 9. Как и в АК-II, экспозиционной завязкой, служащей изначальной точкой отсчета времени повествования, является необычное для енисеики сообщение о рождении героя (ср., однако, надпись Тоньюкука). Вся "автобиографическая" часть АК-I заключена в стк. 1-2, причем выделены моменты рождения и гибели в битве с более многочисленными врагами. Здесь же содержится косвенный упрек элю (то есть древнекыргызскому государству или, по крайней мере, его аристократической верхушке), не сумевшему отстоять героя эпитафии.

Свое имя - Барс - герой называет, горюя о том, чем "не пресытился" он на земле (стк. 4); наконец, в последней строке, еще раз напоминая о своей воинской доблести, герой упоминает тех, чьей волей воздвигнут памятник, - своих братьев. От их имени ведет повествование один из братьев (ср. афф. принадл., 1 л., ед. ч., в стк. 7). Упоминаются

щедрость погибшего к братьям (стк. 3), их происхождение из ханского рода (inel) и число - четверо братьев, "разлученных Эрклигом" (стк. 8), трудный путь покойного к подвигам и его охотничья страсть (стк. 5) - все это вперемешку с заклатьями и призывами к покойному, явно восходящими к традиционным формулам оплакивания. Наиболее сложна авторская атрибуция стк. 6; текст выходит за рамки повествования от лица братьев, и, быть может, рассказ переходит здесь к упоминаемым "шестерым мужам", уцелевшим в битве; в надписи Уйбат-3 (Е-32) они названы "шестью доблестными бегами".¹⁹ По всей вероятности, они являлись правителями шести племен - "уделов" древнекыргызского эля (ср. Е-1, Е-5, Е-49). По смыслу сообщения этой строки, тело героя, павшего на поле битвы, не было погребено должным образом.

Итак, герой эпитафии пал в неравном бою с многочисленными врагами, причем его эль потерпел жестокое поражение, ибо не только не смог сберечь воина из ханского рода, но даже предать его тело погребению по обряду. Кто был этот воин, имя которого было - Барс, а место, где он жил и погиб, - чернь Сунга?²⁰

Рассказывая об обстоятельствах кыргызского похода зимы 710-711 гг., шад тардушей и будущий Бильге-каган второго Тюркского каганата называет имя вождя своих врагов: ". . . был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру - княжну. Но он изменил (нам). И вот каган был убит, а (его) народ стал рабами и рабынями". (КТб 20): " проложив дорогу по снегу глубиной с копье и поднявшись на Кёгменскую чернь, мы разбили кыргызский народ, когда он спал. С их каганом мы сразились в черни Сунга... Кыргызского [266] кагана мы убили, а его эль взяли" (КТб 36). Аналогичное повествование содержится в собственной надписи Бильге-кагана (БК 27) и в надписи Тоньюкука (Тон 24-28).²¹

Совпадение обстоятельств, места (чернь Сунга) и имени главного героя (Барс) не оставляют сомнений в правильности идентификации описаний орхонских текстов с описанием енисейской надписи. Определяется и дата АК-I (711 г.).

Кыргызский посол в Тибете

Как уже отмечалось, не вызывает сомнений и практическая единовременность сооружения АК-I и АК-II. Между тем, предложена иная датировка АК-II в связи с упоминанием в надписи посольства "к тибетскому хану". Л. Базэн полагает, что политические контакты между кыргызами и тибетцами не могли возникнуть ранее сокрушения кыргызами Уйгурского каганата и их появления в Монголии, так как только в период между 840-848 гг. кыргызы были прямо заинтересованы в союзе с тибетцами. Именно к середине IX в. и отнесена интересующая нас надпись (Bazin, Calendriers, p. 112-113).

Оценка обстановки и вытекающая из нее дата здесь базируются на предположении об отсутствии дипломатической инициативы у кыргызского эля до победоносных войн с уйгурами. Между тем, это не так - кыргызский хан с неменьшей настойчивостью искал союзников против грозного врага - государства тюрков - с момента возрождения каганата в конце VII в. Некоторые направления поисков названы Тоньюкуком (Тон 19- 21), а одно из них, не отраженное в тюркских надписях, но упомянутое в АК-II, подтверждается перекрестным сообщением китайского источника: в 7-ю луну 5-го года Цзин-лун, то есть в августе-сентябре 711 г., император Жуйцзун получил сообщение, что в Тибете находится прибывшее туда ранее кыргызское посольство, "не желающее входить в Хань". Сведения о поведении кыр-ызов распространились среди северных соседей империи, что серьезно обеспокоило Жуйцзуна.²² Именно об этом, едва ли не первом кыргызском посольстве в Тибет и рассказывает стела Эрен Улуга, погибшего на чужбине. Здесь же содержится тронное имя Барс-бега - Ынанчу Алп.²³ Если принять отождествление с "правителем эля", упомянутым в Е-26 (Очура), то более полной формой тронного имени было Ынанчу Алп Бильге.

В заключение отметим, что новая интерпретация енисейских текстов из Хакасско-Минусинской котловины позволяет с высокой степенью достоверности выделить группу текстов, датируемых первой половиной VIII в.: надписи Алтын-кёля, третью Уйбатскую надпись, надпись д. Очура. К этой же группе следует отнести первый памятник с Уйбата (Е-30) и третий памятник с Тубы (Е-37), датируемые Л. Базэном серединой VIII в. (Bazin,

Calendriers, p. 108-109). Оба памятника, однако, могут быть отнесены к тому же времени, что и стелы Золотого озера.

Комментарии

1 О первоначальном местонахождении надписей и обстоятельствах их открытия см.: Клеменц Д. 1) Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886, с. 40, 178; 2) Библиография. - Изв. ВСОРГО, т. XXI, № 2, 1890, с. 62; Aspelin J. R. Decouverte des inscriptions de l'"Jenissei. II, p. 10-11.

2 Адрианов А.В. Описание. - ЛО ААН, ф. 2, оп. 2, № 12, с. 179- 183.

3 Там же.

4 Там же.

5 Издание памятников см.: РА, табл. LXXXI, XC, XCI; II, pl. XXI - XXII. Публикации текстов см.: АТИМ 332-336; Orkun H.N. Eski Turk yazitlari, с. I-IV. Istanbul, 1936-1941 (далее: Orkun), III, 11, 101-111; МЕПТ, с 52-58 (Е-28, Е-29).

6 Кляшторный С.Г. Руническая надпись из Восточной Гоби. - In: "Studia Turcica", Budapest, 1971, p. 251.

7 РА, табл. LXXXIV.

8 РА, табл. LXXI, LXXIII.

9 Ср., напр., инициальную строку надписи Тоньюкука (РА, табл. СІХ).

10 Я даю свою нумерацию строк (первая цифра), отмечая также нумерацию С.Е. Малова (вторая цифра курсивом). Пользуюсь случаем выразить признательность Л.Ю. Тугушевой за ценные замечания к предложенному здесь чтению и переводу памятников.

11 Насилов Д.М. Некоторые замечания к прочтению енисейских памятников. - В сб.: "Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1971". М., 1974, с. 209.

12 Divami Lugat-it-turk tercumesi. Ankara, 1939, I, 341, II, 10; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.

13 Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь, М., 1965, с. 168, 543.

14 Ср., например: Трощанский В. Эволюция черной веры у якутов. Казань, 1902, с. 64; Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. - МАЭ, т. IV, вып. 2, 1924, с. 1-16. Особого бога смерти отмечает у башкир Ибн Фадлан (X в.), см.: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу, Харьков, 1966, с. 131.

15 Потапов Л. П. Умай - божество древних тюрков в свете этнографических данных. - ТС, 1972, М., 1973, с. 285-286.

16 Насилов Д.М. Некоторые замечания..., с, 209.

17 О влиянии на древнекиргизскую культуру христианства и манихейства, с их согдийской терминологией, выработанной в Средней Азии, см.: Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи. - ПВ, 1959, № 5, с. 162-169.

18 Gabain A.v. Inhalt und magische Bedeutung der alttiirkisclien Inschriften. - "Anthropos", Bd. 48, 1953, S. 554; Roux J. F. La mort chez les peuples altaïques anciens et medievauх. Paris, 1963, p. 62. Об Эрлике см. Анохин А.В. Материалы по шаманству..., с. 1-16.

19 Щербак А.М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. - ТС, 1970, М., 1970, с. 130.

20 Новую интерпретацию текста см.: Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркском погребальном обряде. - ППиПИКНВ, X, М., 1974, с. 69.

21 Более подробно см.: Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 137 - 139.

22 Цэфу юаньгуй, т. 12, цз. 974, с. 11445. Переводом сообщения я обязан любезности Л.Н. Меньшикова.

23 Об обязательном тронном имени в древнетюркских государствах см. в статье М. Мори в настоящем сборнике.

(пер. С. Г. Кляшторного)

Текст воспроизведен по изданию: Стелы золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. Л. Наука. 1976